

УДК 72.01

В. П. Дубинский*Доктор архитектуры, профессор ХНУГХ им. А.Н.Бекетова,***А. Ю. Белоусько***Аспирант каф. АЗиСДАС ХНУГХ им. А.Н.Бекетова*

АРХИТЕКТУРА КАК КОММУНИКАЦИЯ. ИНТЕРАКЦИОНАЛИЗМ И СИМВОЛИЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ.

Аннотация: архитектура в статье рассмотрена как набор кодированной информации, осуществляющей коммуникацию между заказчиком архитектуры и ее потребителем.

Ключевые слова: архитектура, заказчик, потребитель, код.

Цель: создать представление о необходимом континууме кодов по гуманизации архитектурной среды города.

Постановка проблемы.

Современная архитектура не адресована личности – эта мысль все больше беспокоит архитекторов мира. Взять любое архитектурное сооружение прошлых столетий и, чаще всего, сразу возникает образ заказчика и потребителя: Версаль – Людовик XIV, Зимний дворец – Елизавета, даже община Барселоны при заказе Саграда Фамилия не выглядит неким аморфным образованием, а обладает пусть и размытым, но образом. Сегодня происходит несколько странный процесс – когда есть личности, причем по достатку и известности не ниже некоторых королей, но нет архитектуры с ними связанной, есть архитектура, поражающая своими размерами и причудливостью форм, но нет личности, к которой она адресована.

Все знают о Билле Гейтсе, но не многие видели дом в котором он живет, то же самое можно сказать о Саймоне Кауэлл (создателе всемирно известных музыкальных шоу The X Factor и "Британия ищет таланты". Джоан Роулинг (автор цикла о Гарри Поттере), Ларри Пейдж и Сергей Брин (основатели Google) и десятках прочих знаменитостях. С архитектурными сооружениями дело обстоит примерно так же. Феррари-центр в Дубаи, Сент-Мэри-Экс, Лондон, Арка Дефанс, Париж, Бурдж-Халифа, Дубаи, Музей Гугенхайма в Бильбау, Центральная библиотека, Сиэтл и многие другие здания известны на весь мир, но если попросить описать того, кто ими пользуется большинство людей окажутся в затруднении ответить. Скорее всего причина данного явления заключается в логическом завершении движения в архитектуре, которое начала еще чикагская школа – архитектура из единичного произведения адресованного конкретным людям превратилась в конвейер,

адресованный людским массам. Может здесь, отчасти, и кроется причина социальной напряженности в больших городах? Человек не может смириться со стиранием его как личности, нельзя превращаться в часть механизма по зарабатыванию денег для людей, которым мы абсолютно безразличны.

Демонстрацией вышеприведенного тезиса может стать такой тривиальный пример как процедура покупок сто лет назад и в наше время. В качестве примера можно выбрать Одессу начала прошлого века. Люди с определенным достатком предпочитали делать покупки в знаменитом Пассаже (пересечение улиц Дерибасовская и Преображенская, Приморский район) где архитектура великолепно демонстрировала значимость как покупателей, так и товаров им предлагаемых. Люди с достатком скромных отоваривались на не менее знаменитом «Приво́зе» где элемент личного общения между покупателем и продавцом даже вошел в народный фольклор. Сегодня покупатель со средним достатком становится частью конвейера под названием супермаркет. Автоматически открывающаяся дверь пропускает покупателя на полосу-конвейер эскалатора которая, в свою очередь, приводит его к тележкам, после чего по заранее спланированному менеджерами магазина маршруту он идет в потоке таких же потребителей по рядам где производит загрузку и после попадает к ленте-конвейеру на кассе.

Степень разработанности проблемы.

В исследовании предлагаемой в данной статье проблемы анализировались работы У. Эко [1], М. Вильковского [6], Д. Мида [7], П. Бурдьё [15], Э. Гиддаеса [16], Х. Блумера [17] и многих других. Проведенный в настоящей статье анализ основных тенденций развития науки о коммуникативной роли архитектуры, перекликается с вышеперечисленными разработками.

Результаты исследования.

Коды в архитектуре.

В книге Эко «Функция и знак» предложены три пути архитектора по отношению к культурным кодам, городской среде и обществу:

1) полное и безоговорочное подчинение существующим в данном обществе нормам, а именно норм социальной жизни и совместного проживания, регулирующих данное сообщество. В этом случае архитектор воспроизводит типологический культурный код без каких-либо нововведений;

2) наоборот, в авангардистском запале архитектор решает заставить людей жить совершенно по-другому. Он изобретает такие формы строений,

которые делают невозможной реализацию традиционных отношений, обязывая людей жить так, что при этом разрушаются традиционные родственные связи;

3) архитектор принимает во внимание существующий базовый код, изучает его неиспользованные возможности. Вводя новшества, он проверяет их влияние на сообщество, и заставляет пересматривать укоренившиеся привычки. Основываясь на полученных данных, он разрабатывает иную систему отношений, которую затем воплощает в жизнь. После того, как установлен новый код, принятый благодаря его родству с предыдущим и отвечающий новым историческим и технологическим потребностям общества, архитектор принимается разрабатывать архитектурную форму с новой системой функций.

В последнем случае, отмечает Эко «... архитектура принадлежит сфере обслуживания, но это не значит, что она дает то, чего от нее ждут, а значит, что она именно для того, чтобы дать то, чего от нее не ждут, изучает систему наших предполагаемых ожиданий, возможности их осуществления их приемлемость и внятность, возможность их увязки с другими системами общественной жизни» [1].

Архитектор сегодня вынужден из узкопрофессионального интроверта превратиться в междисциплинарного экстраверта, иначе есть опасность оказаться на обочине исторического процесса. В этом случае для архитектора создание пространства именно для людей станет осмысленной потребностью. Только тогда, будучи частицей социума, архитектор отождествит свою профессиональную ответственность с ответственностью горожанина. [2]

Классификация архитектурных кодов

1. Синтаксические коды: характерен в этом смысле код, отсылающий к технике строительства. Архитектурная форма может включать: балки, потолки, перекрытия, консоли, арки, пилястры, бетонные клетки. Здесь нет ни указания на функцию, ни отнесения к денотируемому пространству, действует только структурная логика, создающая условия для последующей пространственной денотации. Точно так в других кодах на уровне второго членения создаются условия для последующего означивания. Так, в музыке частота характеризует звучание, рождая интервалы, носители музыкальных значений. [3]

2. Семантические коды:

а) артикуляция архитектурных элементов:

1) элементов, означающих первичные функции: крыша, балкон, слуховое окно, купол, лестница, окно...

2) элементов, созначающих вторичные "символические" функции: метопа, фронтона, колонна, тимпан...

3) элементов, означающих функциональное назначение и созначающих "идеологию проживания": салон, часть жилища, где проводится день, проводится ночь, гостиная, столовая...

б) артикуляция по типам сооружений:

1) социальным: больница, дача, школа, замок, дворец, вокзал...

2) пространственным: храм на круглом основании, с основанием в виде греческого креста, "открытый" план, лабиринт ...

Естественно, перечень может быть продолжен, можно разработать такие типы, как город-сад, город романской планировки и т. д., или использовать недавние разработки, вдохновленные поэтикой авангарда, который уже создал собственную традицию и стиль.

Если архитектурный код указывает, как следует построить церковь, чтобы она была церковью (типологический код), то, разумеется, учитывая сложные противоречивые отношения информативности и избыточности (мы об этом уже говорили), можно попытаться построить церковь, которая, будучи церковью, отличалась бы от всех до сих пор построенных, обеспечив тем самым некоторое остранение ситуации, но это никоим образом не означает, что преодолены социокультурные детерминации, предписывающие строить церкви и ходить в них. Если архитектурные коды не содействуют тому, чтобы эта граница преодолевалась, то архитектура — это не способ преобразования истории и общества, но совокупность норм, позволяющих отдавать обществу именно то, что оно хочет получить от архитектуры.

В таком случае архитектура — это служба, но не в смысле служения высоким идеалам культуры, но в смысле принадлежности к городской сфере обслуживания, водоснабжения, транспорта... служба, чьи технические средства все время совершенствуются с целью удовлетворения программируемого спроса. И тогда архитектура никакое не искусство, потому что отличительная черта искусства (см. по этому поводу раздел "эстетическое сообщение") в том и заключается, что оно предлагает потребителю то, чего тот от него не ждет.

В таком случае коды не открывают возможности порождения чего-то нового, но только воспроизводят готовые схемы, учреждают не открытые формы, способные генерировать высказывания, но формы окостеневшие, во всяком случае, не правила организации сообщений, то ли избыточных, то ли информативных в зависимости от намерений говорящего, но структуры, информативная способность которых уравнивается стабильными, привычными системами ожиданий, которые никогда и ни при каких условиях не подвергаются переоценке. [4].

В ту же самую рубрику риторической кодификации попадут также перечисленные выше синтаксические коды, потому что неверно, что любая

пустая архитектурная форма, наделенная чисто дифференциальным значением (пилястр или балка), может нести любую коммуникативную нагрузку: они, эти формы, допускают передачу только такой коммуникации, к которой привыкла западная цивилизация, усвоившая определенные представления о статике и динамике, евклидовой геометрии, и, выходя устойчивыми и неподверженными влияниям времени, живут по правилам одной-единственной грамматики — грамматики строительства, и потому по праву могут быть прописаны по ведомству науки о строительстве.

Антропологические коды.

1. Известно, что антропология изучает код языка того или иного сообщества, находящегося на ранней стадии развития, редуцируя его к более общему коду, заведующему всеми лингвистическими структурами разных языков; она также изучает отношения родства в этом сообществе, редуцируя их к более общему коду отношений родства в любом обществе; наконец, она обращается к структуре селения, в котором живет изучаемое сообщество, и выявляет "код поселения"... Затем она пытается привести в соответствие — в рамках все того же изучаемого сообщества — формы языка, формы родственных связей и формы расположения жилищ, сводя все эти коммуникативные факты в одну общую диаграмму, в одну фундаментальную структуру, связывающую все эти формы, определяющую и унифицирующую их.

И если бы какому-нибудь архитектору пришлось строить для такого сообщества, перед ним открывались бы три пути:

1) Полное и безоговорочное подчинение существующим в данном обществе нормам. Принятие норм совместного проживания, регулирующих данное сообщество. Подчинение нормам социальной жизни в том виде, в каком они имеют место. Строительство жилищ, обеспечивающих традиционные нормы жизни без каких-либо нововведений. В этом случае архитектор, возможно, полагает, что он воспроизводит типологический культурный код, действующий в данном сообществе вкупе с соответствующими лексикодами, но на самом деле, пусть он этого и не осознает, он следует нормам того самого более общего кода, что находится вне сферы собственно архитектуры.

2) В авангардистском запале архитектор решает заставить людей жить совершенно по-другому. Он изобретает такие формы строений, которые делают невозможной реализацию традиционных отношений, обязывая людей жить так, что при этом разрушаются традиционные родственные связи. Однако нет сомнения в том, что данное сообщество не опознает новых функций, означенных новыми формами, поскольку указанные функции не заложены в

основном коде, который заведует отношениями совместного проживания, родственными связями, языковыми отношениями, художественными и проч.

3) Архитектор принимает во внимание существующий базовый код, изучает его неиспользованные возможности. Он прикидывает, как технологические новшества, включая изобретенные им самим конструкции и формы, могут повлиять на сообщество, заставляя пересматривать укоренившиеся привычки. Основываясь на полученных данных, он разрабатывает иную систему отношений, которую и предполагает воплотить в жизнь. И только после того как установлен новый код, внятный потребителям благодаря его родству с предыдущим и все же отличающийся от прежнего в той мере, в какой он позволяет формулировать другие сообщения, отвечающие новым историческим и технологическим потребностям общества, — только тогда архитектор принимается разрабатывать код архитектурных означающих, который позволил бы ему денотировать новую систему функций. В этом смысле архитектура принадлежит сфере обслуживания, но это не значит, что она дает то, чего от нее ждут, а значит, что она именно для того, чтобы дать то, чего от нее не ждут, изучает систему наших предполагаемых ожиданий, возможности их осуществления, их приемлемость и внятность, возможность их увязки с другими системами общественной жизни.

2. Если столько говорят о сотрудничестве различных дисциплин как основе труда архитектора, то это происходит именно потому, что архитектор должен выработать собственные означающие, исходя из систем значений, которым неон придает форму, хотя, может статься, что именно ему дано означить их впервые, сделав тем самым внятными. Но в таком случае работа архитектора заключается в том, чтобы, подвергнув предварительной переоценке все существовавшие прежде коды, отказаться от тех из них, что исчерпали себя, поскольку кодифицируют уже состоявшиеся решения-сообщения и не способны породить новые сообщения.

Что в самом деле означают слова о том, что архитектуре надлежит вырабатывать собственные коды, соотнося их с чем-то, что находится вне ее. Значит ли это, что знаки, которые она должна привести в систему, упорядочиваются чем-то извне, тем, к чему они относятся, и стало быть, референтом. [5].

При желании провести реконструкцию городской застройки или какой-либо территории с точки зрения непосредственной опознаваемости тех или иных конфигураций архитектор имеет возможность опереться на правила, установленные кодом узнавания и ориентации (базирующимся на исследованиях восприятия, статистических данных, требованиях торговли и уличного движения, выведенных врачами кривых напряжения и релаксации),

но все его действия будут иметь смысл и оцениваться только в свете его главной задачи. Но если однажды ему понадобится инкорпорировать эту задачу в иную систему социальных функций, ему придется привести код узнавания в соответствие с прочими задействованными кодами, сведя их все к некоему основополагающему Пракоду, общему для всех, и на его основе разработать новые архитектурные решения.

Таким образом, архитектор, чтобы строить, постоянно обязан быть чем-то другим, чем он есть. Ему приходится быть социологом, политиком, психологом, антропологом, семиологом. И то, что он работает в команде, в компании семиологов, антропологов, социологов или политиков, не особенно меняет положение дел, хотя и помогает принять более адекватные решения. Вынужденный искать и находить формы, смысл которых в том, чтобы в свою очередь придавать форму системам, на которые его власть не распространяется, вынужденный выстраивать такой язык, как язык архитектуры, который всегда будет говорить что-то, непредусмотренное собственным кодом; (чего не происходит со словесным языком, который на эстетическом уровне может проговаривать свои собственные формы, чего нет в живописи, которая в случае абстрактной живописи изображает свои собственные законы, и чего подавно нет в музыке, поглощенной постоянной реорганизацией синтаксических отношений внутри своей собственной системы), самым характером своего труда архитектор осужден быть последним и единственным гуманистом нашего времени, ибо как раз для того, чтобы быть узким специалистом, профессионалом, а не мудрствовать вообще, он должен мыслить глобально. [1]

По мнению Эко, архитектура склонна изобретать "слова" для означивания "функций", не ею установленных. Но можно прийти и к прямо противоположной мысли: архитектура, коль скоро выделен вне ее существующий код функций, которые она осуществляет и означает, опираясь на систему стимулов-означающих и предписывая законы событиям, заставит, наконец, человечество жить по-другому.

Перед нами два противоположных мнения, и оба ошибочных, ибо они фальсифицируют представление о миссии архитектора. В первом случае архитектор всего лишь исполнитель решений социологов и политиков, которые решают где-то там за него, а он всего лишь поставляет "слова" для говорения "вещей", ход которых не он предопределяет. Во втором случае архитектор (известно, насколько эта иллюзия сильна в современной архитектуре) становится демиургом, творцом истории.

Вопрос прояснится, если мы обратимся к прекрасному примеру — Бразилиа. Рожденная в исключительно благоприятных обстоятельствах с точки

зрения архитектурного проектирования, максимально свободного в принятии решений, Бразилиа была затеяна по решению политиков буквально с нуля и задумана как город, призванный воплотить новый стиль жизни и одновременно сделаться посланием человечеству, городом, в котором осуществляются идеалы демократии, городом-первопроходцем, прокладывающим пути в неведомое, победой национального самосознания молодой страны, пребывающей в поисках своего собственного лица.

Бразилиа должна была стать городом равных, городом будущего.

Спроектированная в форме самолета или птицы, простирающей свои крылья над приютившим ее плоскогорьем, она сосредоточила в своем фюзеляже, или туловище, все то, что относится к осуществлению вторичных функций, преобладающих по отношению к первичным: расположенные в центральной части административные здания были призваны коннотировать прежде всего символические ценности, вдохновленные стремлением молодой Бразилии к самоопределению. Напротив, два крыла, сосредоточившие в себе жилые массивы; должны были обеспечить преобладание первичных функций над вторичными. Огромные блоки жилых массивов, вдохновленные Ле Корбюзье суперкварталы должны были позволить, как министру, так и курьеру проживать бок о бок и пользоваться одними и теми же службами, которые каждый блок, состоящий из четырех зданий, предоставлял своим жильцам (от супермаркета до церкви, школы, клуба, больницы и полицейского участка).

Вокруг этих блоков пролегают автострады Бразилиа, такие, какими их хотел видеть Ле Корбюзье — без перекрестков с широкими развязками в форме четырехлистника. Архитекторы тщательно изучили системы функций, потребных образцовому городу будущего (они согласовали биологические, социологические, политические, эстетические данные, коды узнавания и ориентации, принципы организации движения транспорта и т. д.), и перевели их в архитектурные коды, изобретя системы означающих, легко укладываемые в традиционные представления (избыточные, насколько это допустимо) и все же артикулирующие новые возможности, хотя и в разумных пределах. Символы, архетипы (птица, обелиск) инкорпорировались в новую образную систему (копьевидные пилоны и четырехлистники); собор, выстроенный не по традиционным типологическим схемам, все же чем-то напоминал архаические иконографические кодификации (цветок, раскрывшиеся лепестки, пальцы, сложенные в крестном знамении, и даже фасция как символ единства штатов). [6]

И все же архитекторы не избежали ни одной из двух ошибок, упомянутых в начале этого параграфа: они некритически подошли к социологическим выкладкам, означив и коннотировав их так, как это им было удобно, полагая,

что самого факта, что Бразилиа построена именно так, а не иначе, будет достаточно для того, чтобы история ей покорилаь.

В тот миг, когда архитектор ищет код архитектуры вне архитектуры, он должен уметь находить такие означивающие формы, которые могли бы удержаться во времени, удовлетворяя разным кодам прочтения. Потому что исторические обстоятельства, в которых он живет и творит, выявляя соответствующие коды, гораздо менее долговечны, чем значащие формы, на которые его вдохновляет открытый им код. Архитектор принимает во внимание советы социологов, физиологов, политиков, антропологов, но, располагая формы в соответствии с их требованиями, он должен предвидеть возможную несостоятельность их теорий, учитывая в своей работе возможную погрешность. И при этом он должен понимать, что его задача состоит в том, чтобы предвидеть и учитывать движения истории, а не двигать ее. [6]

Архитектура как символическое окружение.

Джордж Герберт Мид [7] рассуждая о том, как неодушевленные объекты и материальное окружение могут трансформироваться в «обобщенное другое», Мид указывает на возможность внутреннего развития личности благодаря оказываемому на нее влиянию со стороны окружающей обстановки, представляющей собой не что иное, как систему важнейших символических содержаний. Мид трактует роль объектов и рефлексивную природу индивидуумов следующим образом: «Любые объекты или их наборы, одушевленные или неодушевленные, будь это люди, животные или просто материальные объекты, – все то, по отношению к чему он совершает определенные действия или то, что вызывает в нем ответную реакцию, с социальной точки зрения представляет собой элемент некоей общей сущности; принимая на себя роль этого «обобщенного другого», человек становится объектом познания для самого себя и, таким образом, развивается как личность или социальное существо» [8].

Хорошо знакомая с трудами Мида Э. Дойл МакКарти [9] высказывает четыре предположения, позволяющие расширить сферу приложения идей Мида для использования их в архитектуре: 1 – материальные объекты играют ключевую роль в формировании и развитии личности; 2 – материальные объекты позволяют индивидууму функционировать в стабильном и привычном окружении; 3 – возможность осязания материальных объектов играет важнейшую роль в формировании и развитии наших представлений об окружающей нас действительности; 4 – взаимоотношения личности с материальным миром носят социальный характер.

Ирвин Гофман [10] также рассматривает взаимосвязь между индивидуумом и его материальным окружением. В одной из своих работ он определяет «управление впечатлением» как попытки людей производить определенное впечатление на окружающих в рамках «ограниченного пространства здания или предприятия». На «передний план» человек выносит действия, предназначенные, по сути, «для зрительской аудитории». При этом используются имеющиеся пространство, обстановка, аксессуары и прочие «подручные материалы», помогающие создать своего рода «подмости» для разыгрываемого на «переднем плане» «спектакля». В то же время существует и тщательно охраняемый от посторонних взглядов «задний план», где и происходит подготовка вышеупомянутого «спектакля».

Однако, как отмечает Гофман, иногда может потребоваться материальное окружение, способное послужить декорацией для различных типов поведения. Автор поясняет: «Очевидно, что персональный кабинет руководителя – типичный «передний план», где качество офисной обстановки недвусмысленно свидетельствует о статусе хозяина офиса в организации. И, тем не менее, именно здесь он может позволить себе снять пиджак, ослабить узел на галстуке, держать под рукой бутылочку спиртного и раскованно, а порой даже шумно, общаться с равными ему по служебному положению коллегами». Таким образом, Гофман признает, что для «управления впечатлением» могут быть задействованы различные искусственно созданные объекты и пространства.

На примере ситуации, описанной в позаимствованном из книги Джона Дьюи «Как мы мыслим» отрывке, Джозеф Коэн наглядно демонстрирует характер взаимодействия человека с материальной средой и объясняет, каким именно образом спроектированные формы способны оказывать воздействие на человеческие мысли и поведение. В рассказанной автором истории студент обнаруживает на верхней палубе парома некий горизонтально укрепленный шест. Не имея понятия о его назначении, студент пытается перебрать все возможные варианты, выдвигает несколько гипотез с целью исключения ряда правдоподобных объяснений, размышляет над визуальными данными и, в конечном счете, приходит к заключению, что назначение шеста состоит в том, чтобы указывать паромщику, куда направлен нос судна.

Становится очевидной несомненная важность этого объекта в условиях темноты или густого тумана. Основываясь на приведенном примере, Коэн утверждает, что сталкиваясь с любым материальным объектом, мы сначала заставляем наше воображение предложить все разумные гипотезы, способные объяснить его символическое значение и причину существования, после чего

подсознательно сравниваем относительные достоинства наших гипотез. В известном смысле мы пытаемся извлекать информацию из окружающей нас материальной среды. Иными словами, мы ищем подсказки, позволяющие нам делать определенные выводы об окружающем нас материальном мире и реагировать на него сообразно нашим о нем представлениям. [11]

В классическом примере Мида рассматривается ситуация со строящим мост инженером, воспринимающим мост так, как будто тот – человек. Инженер прекрасно понимает, что в процессе строительства ему придется столкнуться с немалым количеством проблем, связанных с испытываемыми конструкцией разнообразными нагрузками и деформациями. Осознавая это, он принимает на себя «роль другого» («другим» в данном случае является и сам мост как материальный объект, и его местоположение в пределах окружающей среды), а затем корректирует свое поведение с учетом требований, соблюдение которых необходимо для успешного завершения строительных работ. Приведенный пример позволяет прийти к нескольким важным выводам: иногда люди берут на себя роли различных материальных объектов и мест; мы взаимодействуем с окружающей нас средой и формируем с ней хотя и односторонние, но все же социальные отношения; материальные объекты и места оказывают глубокое влияние на формирование наших ответных реакций на окружающий нас мир. Символические интеракционисты не одиноки в своем подходе к социальной роли проектируемых форм. Исследующие область материальной культуры ученые также считают, что материальная среда «социально жива», и что материальные объекты, разум и поведение – понятия взаимозависимые (Knappert, 2002).

Рассматривая различные архитектурные формы, Лоуренс и Лоу [12] отмечают: «Выступая в роли символов, места и объекты несут в себе глубокий смысл и набор определенных ценностей. Являясь, по своей сути, комбинацией ключевых элементов системы передачи информации, они помогают многое прояснить в общественных отношениях». Символические интеракционисты считают, что люди существуют в символическом окружении, состоящем из общего языка и социальных объектов. Они также постоянно подчеркивают, что архитектура не несет самостоятельной «внутренней смысловой нагрузки»; именно люди вкладывают тот или иной смысл в различные архитектурные сооружения [13].

Рассуждая об архитектуре как символическом окружении, изучая влияние искусственно созданного материального окружения на мысли и поступки людей, Бани и Смит останавливаются на двух основных моментах. Во-первых,

они отмечают влияние архитектуры «скорее, как потенциальное на мысли и поступки людей, нежели как фактор, непосредственно определяющий человеческое поведение» [14]. Во-вторых, символические интеракционисты отмечают важность спора «структура против воли», т.е характер отношений существующих «структур» и действий индивидуумов, основанных на их волеизъявлениях, являющийся двухсторонним процессом.

На стороне «структуры» выступает Пьер Бурдьё (1977) [15]. На стороне важности человеческой воли – Энтони Гидденс (1990) [16]. На стороне человеческой воли выступали также, и основоположники символического интеракционизма Мид [8], Блумер [17] и Гофман [18].

Томас Ф. Гирин в своей статье, посвященной взаимосвязи «структуры и воли» в архитектуре, считает, что у зданий есть «двойственная сущность», которая проявляется, с одной стороны, в том, что здания как «структуры» «определяют «порядок вещей», который, тем не менее, всегда может быть изменен вмешательством человеческого фактора» [19]. Признавая несомненное влияние архитектурных объектов на человеческое поведение, Гирин вводит понятие «интерпретационная гибкость», поясняя, что, во-первых, одни и те же объекты несут для разных людей неодинаковую смысловую нагрузку, а во-вторых, человек всегда может изменить свое отношение к этим объектам.

Среди авторов, изучающих архитектуру как символическое окружение, Смит и Бани выделяют работы И. Гофмана. В рамках своей теории «самопрезентации» человека Гофман рассматривает с этой точки зрения несколько типов зданий.

«Символы статуса» – здания, объекты и места, выражающие человеческие представления о престижном стиле жизни; их назначение состоит в наглядной демонстрации высокого общественного положения определенной социальной группы и создании своего рода барьера между ней и другими членами общества... «Аутентичные и экзотические объекты», по Гофману, – декоративные объекты, напоминающие о других местах и временах. «Коллективные объекты», по мнению Гофмана [20], – объекты, отражающие представления, разделяемые отдельными членами сообщества и выступающие в качестве образцов «коллективных представлений» данного сообщества... Потсдам-Платц в Берлине, Эйфелева башня в Париже и мечеть АльХарам в Мекке – вот далеко не полный список примеров свойственных различным социальным группам «коллективных репрезентаций». «Объекты-стигматы» ассоциируются, в основном, с не самыми приятными личностями и их девиантным поведением [21]. Люди могут воспринимать в качестве таких «стигматов» определенные типы архитектурных сооружений: убежища

бездомных, городские трущобы, старые тюрьмы, психиатрические лечебницы или образцы «сталинской архитектуры».

И, наконец, Гофман останавливается еще на одном понятии – «дезориентирующие объекты». «Несмотря на то, что эти объекты предназначены для передачи окружающим определенной смысловой информации, они, на самом деле, не аутентичны представляемым ими персонажам и лишь вводят окружающих в заблуждение. Дома и офисы руководящей обществу элиты забыты неинтересными их хозяевам произведениями искусства и антиквариатом, равно как и высокохудожественными книгами, которые никто и никогда не открывал. Вся эта атрибутика используется лишь для демонстрации респектабельности и высокого общественного положения владельца помещения, но создает ложное представление о нем как о личности».

Позже, как отмечают Смит и Бани, Мэри Джо Хэтч применила теорию символического интеракционизма для объяснения основных принципов деятельности различных организаций через призму используемых ими архитектурных концепций. Автор подчеркивает, что, согласно этой теории, искусственно созданное материальное окружение излучает своего рода «информационные сигналы», постоянно напоминая сотрудникам о возложенных на них ожиданиях. Хэтч отмечает: «Приверженцы символического подхода рассматривают материальную структуру любой организации как формирующую и поддерживающую определенную «систему смыслов», помогающую членам организации осознать свое место и функциональную роль в коллективе» [22].

Сами архитекторы также уделяют немало внимания символическим значениям своих проектов. Особый интерес в этом отношении представляет возникшее в 1960-х годах движение сторонников «социального проектирования», в рамках которого архитекторы и социологи объединили свои усилия по решению стоящих перед проектировщиками прикладных задач. Во времена, когда в обществе шла бескомпромиссная борьба против расового и полового неравенства, нарушения гражданских прав и регулярно наносимого ущерба окружающей среде, новое движение стремилось устранить дисбаланс, возникший между людьми и построенными для них сооружениями.

Авторы отмечают, что архитектурные формы способны служить для передачи самых разных смысловых значений – таких, как веселье и развлечение («Мир Диснея» в Орландо и отель «Мандалай Бэй» в Лас-Вегасе), добрососедство и единение, религия и мистика (кафедральный собор во французском городе Шартр), отдых и отход от дел. Далее Смит и Бани анализируют примеры символического отображения трех, по их мнению,

наиболее значимых задач, решаемых профессиональными проектировщиками: поддержание определенного образа мышления и действий; контроль за человеческой деятельностью и наказание людей за неподобающее поведение; содействие социальным переменам.

В качестве примера сооружений, поддерживающих определенное мировоззрение, авторы, со ссылкой на исследование Роба Шилса [23], приводят американские магазины (пассажи). Авторы утверждают, что это не просто магазины, «не просто искусственно созданные пространства для осуществления актов массового потребления, но места, укрепляющие веру американцев в систему идеализируемых ими ценностей. Они олицетворяют собой демократию, так как, теоретически, открыты для всех желающих, хотя, на практике, почти недоступны таким малосовместимым с потреблением социальным группам как, например, бездомные». В качестве примера, полностью соответствующего анализу Шилса, авторы приводят Американскую торговую галерею, построенную в Блумингтоне, штат Миннесота.

Анализируя архитектуру, осуществляющую контроль за человеческой деятельностью, Смит и Бани приводят классический пример спроектированного в 1787 году Джереми Бентамом паноптикума и его оценку, например, М. Фуко [24]. Еще более ярким примером подобной архитектуры, по мнению авторов, является архитектура тюрем и лагерей для военнопленных времен Второй мировой войны. «Наиболее яркий образец подобной архитектуры – нацистский Дахау, где в период с 1939-го по 1945-й год погибли около 2,5 миллионов человек. Концлагерь представлял собой тщательно распланированное пространство с гранитной крепостью, сторожевыми вышками, неподалеку расположенной железнодорожной веткой для транспортировки заключенных, четырем спроектированными в виде душевых комнат газовыми камерами, четырем крематориями, бараками для узников, штрафными изоляторами, собачьим питомником, трудовыми лагерями и двориками для прогулок заключенных. Этот архитектурный объект предназначался для осуществления высшей формы контроля – уничтожения евреев, цыган, гомосексуалистов, советских военнопленных и политических диссидентов».

Выводы.

Коды конвейера, которые горожане все чаще считают в архитектурной среде нас окружающей вызывают раздражение и необходимость выйти из этого порочного круга. Следовательно, необходимо начать работу по генерации новых кодов, массовых (по-иному в многомиллионных городах быть не может) но адресных, обращенных к человеку и, в первую очередь, личности. Только в

таким случае мегаполис сможет продвигаться по пути гуманизации архитектурной среды города.

Список использованной литературы.

1. Эко У. Функция и знак. Семиология архитектуры. [Http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko_Funk/06.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko_Funk/06.php).
2. <http://arch-i-tect.ru/i-v-popovskiy-arhitektor-i-sotsium-chast-3/#ixzz3tdXKvZrk>.
3. Christian Norberg Schulz, // paesaggio e l'opera dell'uomo, in "Edilizia moderna", n. 87—88.
4. Benjamin Lee Whorf, Language, Thought and Reality, Cambridge, New York, 1956.
5. Eco U. Function and Sign: semiotics of architecture. - In: Signs, Symbols and Architecture.- N.Y., 1980.
6. Вильковский М. Социология архитектуры. - М.: Фонд «Русский авангард». 2010 - 592 с., ил.
7. Mead George Herbert, 2002 (orig. 1932). The Philosophy of the Present. – Amherst, NY: Prometheus Books, 2002.
8. Mead George Herbert, 2002 (orig. 1932). The Philosophy of the Present. – Amherst, NY: Prometheus Books (Джордж Герберт Мид, 2002, р. 154.
9. McCarthy E. Doyle, 1984. «Toward a Sociology of the Physical World: George Herbert Mead on Physical Objects». Studies in Symbolic Interaction p.105–121.
10. Riggins Stephen Harold, 1990. «The Power of Things: The Role of Domestic Objects in the Presentation of Self». – Pp. 341–367 in Beyond Goffman: Studies on Communication, Institution, and Social Interaction. – Berlin: Mouton de Gruyter.
11. Weller Louis, 2004. «The Spirit of Place in Contemporary Native American Architecture». – Pp. 3–4 in Proceedings of the 35th Annual Conference of the Environmental Research Association: edited by Dwight Miller and James], [http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/729/66729/39386?p_page=57.
12. Lawrence Denise L. and Low Setha M., 1990. «The Built Environment and Spatial Form»/Annual Review of Anthropology 19. С. 466.
13. Blumer Herbert, 1969. Symbolic Interactionism: Perspective and Method. Englewood Cliffs. – NJ: Prentice Hall. С. 68.
14. Smith, R. W., Bugni, V. (2006). Symbolic interaction theory and architecture. Symbolic Interaction, 29(2) // Электронный ресурс: http://digitalscholarship.unlv.edu/sociology_pubs/5.

15. Бурдьє Пьер. Социальное пространство: поля и практики: Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
16. Гидденс Э. Социология. – М.: Едиториал УРСС, 2005.
17. Blumer Herbert, 1969. Symbolic Interactionism: Perspective and Method. Englewood Cliffs. – NJ: Prentice Hall (Герберт Блумер, 1969. «Символический интеракционизм: подход и метод». – Энглвуд Клиффс, Нью-Джерси: Прентис-Холл).
18. Goffman Erving. «Symbols of Class Status», 1951. British Journal of Sociology 2. – Pp. 294–304.
19. Gieryn Thomas F. «A Place for Space in Sociology.» Pp. 263–296 in Annual Review of Sociology, vol. 26, edited by K. Cook.
20. Goffman Erving, 1959. The Presentation of Self in Everyday Life. – New York: Doubleday. С. 1951.
21. Goffman Erving. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. – Englewood Cliffs. – N.J.: Prentice Hall, 1963.
22. Hatch Mary Jo. Organization Theory. – New York: Oxford University Press. 1997.
23. Shields Rob. Lifestyle Shopping: The Subject of Consumption. – London: Routledge, 1992.
24. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы//М.: «Ad Marginem», 1999.

Анотація

Архітектура в статті розглянута як набір кодової інформації, здійснює комунікацію між замовником архітектури та її споживачем.

Abstract

The article describes the architecture as a set of coded information, communicates between the client architecture and its consumers.